

Татьяна Павловна Рогожникова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омск, Россия
e-mail: pmtr@mail.ru

Словесный ряд как способ семантической актуализации (на материале «Жития Стефана Пермского»)

Аннотация. Материалом для исследования является известный текст, созданный в стиле «плетения словес» в конце XIV в. русским агиографом Епифанием Премудрым. Объект исследования — текстовые ряды, состоящие из словесных формул с ключевыми семантически сходными между собой словами; предмет — внутрирядные семантические отношения между ключевыми словами, а также формулами как компонентами рядов. Аргументируется применение термина «словесный ряд». Осуществлен структурно-семантический анализ словесных рядов с ключевыми словами, характеризующими языческих божеств с христианской точки зрения. Описаны лексико-семантические, грамматические, словообразовательные особенности отношений компонентов внутри словесных рядов. Сделан вывод о градации «род» — «вид» как базовом принципе построения рассмотренных словесных рядов. Выявлены формальные и содержательные способы конкретизации актуального семантического признака.

Ключевые слова: агиография, «плетение словес», формула, словесный ряд.

Tatiana P. Rogozhnikova

Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk, Russia
e-mail: pmtr@mail.ru

Verbal Series as a Method of Semantic Actualisation (The Case of the “Life of Stephen of Perm”)

Abstract. The material for the study is a well-known text created in the style of “word weaving” at the end of the 14th century by the Russian hagiographer Epiphanius the Wise. The object of the study is text series consisting of verbal formulas with key semantically similar words; the subject is intra-row semantic relations between key words, as well as formulas as components of series. The use of the term “verbal series” is substantiated. A structural and semantic analysis of verbal series with key words characterising pagan deities from a Christian point of view is carried out. Lexical-semantic, grammatical, word-formation features of component relations within verbal series are described. A conclusion is made about the gradation “genus” — “kind” as the basic principle of constructing the considered verbal series. Formal and substantive methods of concretisation of the actual semantic feature are revealed.

Keywords: hagiography, “word weaving”, formula, verbal series.

Введение (Introduction)

Проблемы, связанные со стилем «плетения словес», обсуждаются в многочисленных работах медиевистов [1; 2; 3; 4; 5; 6]. К главным результатам разноаспектных исследований XIX–XX вв. можно отнести включение «плетения словес» в широкий культурный контекст эпохи, характеристику «плетения» как эмоционально-экспрессивного литературного стиля, сформированного в том числе идеями исихазма, а также интенсификацией и воскрешением риторических приемов древнерусской эпохи. Лингвистические и стилистические особенности «плетения словес» рассматриваются в аспекте

исторической лексикологии (синонимика, лексическое варьирование и др.) [7; 8], синтаксического строя [9]. В последние десятилетия обсуждаемый нами феномен исследуется как «повествовательная техника» (на основе диахронического структурно-семантического анализа синтаксических конструкций выявляются синтаксические особенности организации текста в стиле «плетения словес» [10; 11]) и как способ построения текста (в качестве основных принципов указаны тождество, противопоставление и сходство [12]). Необходимость дальнейшей разработки языковых принципов и механизмов техники «плетения» определяет актуальность настоящей статьи.

© Рогожникова Т. П., 2025

Для цитирования: Рогожникова Т. П. Словесный ряд как способ семантической актуализации (на материале «Жития Стефана Пермского») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (46). С. 110–115. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-46-110-115

Анализ языкового материала, интерпретация результатов исследования проводятся с опорой на идеи, выводы, положения, изложенные в многочисленных трудах по истории русского литературного языка выдающегося филолога-русиста Владимира Викторовича Колесова, главным из которых по праву считается книга «Древнерусский литературный язык» [13]. Именно в этом труде теоретической quintэссенцией является учение о словесной формуле как базовом элементе образцового текста, его ведущей строевой единице. Термин «формула» представляется наиболее адекватным для выражения понятия о минимальных структурных единицах древнего текста, выступающих в поэтической функции. «...Единство синтагмы-формулы определялось не формальными признаками сочетания слов, т. е. не управлением, не синтаксической валентностью... а семантикой ключевого слова» [13, с. 141].

Развитие текстовых формул наиболее ярко представлено в произведениях, созданных в стиле «плетения словес» с его стремлением к «словесной сытости», с верой автора в божественную силу слова, с проникновенным отношением к фонической стороне речи и сути обозначаемого словом понятия. Наивысшего развития «плетение словес» достигло в творчестве Епифания Премудрого, которое пришлось на рубеж XIV–XV вв. В первую очередь сделать это заключение позволяет материал настоящей статьи — «Житие Стефана Пермского» (далее — ЖтСП), созданное предположительно в конце XIV в. Объектом исследования являются ряды, состоящие из словесных формул с ключевыми семантически сходными между собой словами; предметом — внутрирядные семантические отношения между ключевыми словами, а также формулами как компонентами рядов.

Методы (Methods)

При отсутствии единого термина для обозначения рядов близких по значению слов (ведущего и наиболее частотного приема в ЖтСП) необходимо избрать рабочий термин. Характер материала, объекта и предмета исследования обусловил выбор в качестве оптимального и релевантного для настоящей работы термина «словесный ряд». Определение *словесный* позволяет избежать указания на семантику ключевых слов для словесных рядов в тексте, объединив под этим термином и слова, различающиеся лишь стилистической принадлежностью, а также лексемы, в значениях которых сочетаются как семантические, так и стилистические различия. Ключевыми словами в таком понимании являются содержательно важные имена, образующие семантическую парадигму конкретно в данном тексте, который отражает творческий замысел автора. Предпочтение термина «словесный ряд» вызвано также стремлением отразить в нем структуру перечислений (*ряд*), а также обозначить ритмический период текста, объединяющий как ключевые слова ряда, так и уточняющие их смысл распространители. В таком случае компонентами словесного ряда являются ключевое слово и его распространители.

Исследование проведено с использованием ряда методов: описательно-исторического, дистрибутивного, компонентного и контекстного анализа. Для установления значений компонентов ряда и ключевых слов учитывалось не

только ближайшее контекстное окружение, но также значение лексем и ее дериватов в контексте ЖтСП. На основании анализа семантического распределения компонентов словесных рядов выявляется последовательность включения ключевых слов в состав типичных рядов; возможная семантическая градация ключевых компонентов; определяется роль словесных рядов в организации текста типа «плетение словес», смысловые и формальные признаки «плетения».

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Из всего многообразия словесных рядов для анализа избраны ряды, ключевыми в которых являются слова, тождественные по значению, но различающиеся своей значимостью в данном тексте: *идолы, кумиры, болваны, бѣсы, богы*. Словесные ряды с приведенными ключевыми словами — христианскими наименованиями божеств языческого Пантеона — разнообразны по количественному составу компонентов и ритмическому рисунку. Данная группа словесных рядов в ЖтСП имеет особую идеологическую значимость, являясь непосредственным выражением отношения к язычеству иноверцев (будущих христиан). «Христианство было прежде всего противопоставлением христианского бога языческим как более могущественного, способного творить чудеса, которых те творить не могут, но вместе с тем и как духовного начала чему-то бездуховному, тому, что только камень и вода» [14, с. 193].

Рассматриваемые слова в исследовательской литературе обычно трактуются как семантические дублиеты, варианты, различающиеся только своим происхождением [15]. По мнению О. А. Черепановой, в значении каждой лексемы есть своя специфика, но применительно к творчеству Епифания она не актуальна — важно лишь общее в их семантике [7].

Между тем анализ контекстных значений слов в ЖтСП выявляет следующую картину семантического распределения ключевых лексем. Наиболее общим, родовым по смыслу является слово *богы*, оно отличается от остальных ключевых слов отсутствием в его значении отрицательной оценочности, поэтому всегда поясняется в контексте другими лексемами (*бѣсы, кумиры*). *Бѣсы* также характеризуется обобщенной семантикой, включающей дополнительный семантический признак — оценку идолов с точки зрения христианства. Слова *идолы* и *кумиры* дифференцированы в «Житии» жанрово-стилистически: слово *идолы* в большинстве случаев встречается в цитатах из Священного Писания. Слово *болваны* актуализирует признак материальности идолов, оно является стилистически сниженным в большей степени, нежели *кумиры* и *идолы*, и однозначно точным. Наименование *кумиры* занимает промежуточную позицию между лексемами *идолы* и *болваны* в силу стилистической нейтральности и наибольшей активности в словообразовательном отношении. Все наименования, за исключением *идолы* и *кумиры*, встречаются исключительно в плюральной форме, что способствует обобщению, а значит, обезличиванию пермских богов. *Идол* и *кумир* употреблены в единственном числе в контекстах, где именно такая форма усиливает признак их материальности: *а кумира прежде обухомъ в лобъ ударяше* (ЖтСП, с. 35); *обухомъ*

в *лобь бияше идола* (ЖтСП, с. 37). Различие в значимости ключевых слов уточняется в словесном ряду, поэтому словесные формулы, образующие эти ряды, изменяются. Это вовсе не означает, что изменению подвергается каждый компонент словесного ряда: автору важно не столько единство компонентов, сколько переход от одного компонента к другому, последовательность их в ряду. В одном случае актуальнее усложненный компонент, в другом — традиционный, неразвернутый.

Обратимся непосредственно к примерам из текста ЖтСП. Объектом нашего анализа являются четыре словесных ряда из разных частей текста жития, различные по своей ритмической организации, синтаксической семантике и морфологической принадлежности компонентов. Общим для всех рядов является наличие ключевых слов с идентичными корневыми морфемами:

1) *бяху бо в Перми человеци всегда жруще глухымъ кумиромъ и бѣсомъ моляхуся, волшвениемъ одръжимы суще, вѣрующе в бѣсование и в чарование и в кудесы* (ЖтСП, с. 8);

2) *идѣже поклоняются идоломъ, идѣже жьрутъ жрьтвища, служаще глухымъ кумиромъ, идѣже молятся издолбленнымъ болваномъ, идѣже вѣрують в кудесы, и волхования, и в чарования, и в бѣсования и в прочаа прелести диавольскаа* (ЖтСП, с. 18);

3) *что ради поклоняетеся идоломъ, и чтете я и боги нарицаете я, болваны изваянья, истуканья, кумири ваши, древо се бездушно, дѣла рукъ человеческихъ, уста имуть и не проглаголють, уши имуть и не слышать, очи имуть и не узрять, ноздри имуть и не обоняють, руцѣ имуть, не осязають, нозѣ имуть и не поидуть, и не ходять, и не ступають ни с мѣста, и не възгласятъ гортаньми своими, ни жрьтвь приносимыхъ не принимаютъ, ни пикють, ни ядуть: подобны имъ да будутъ творящи я и вси надеющися на ня* (ЖтСП, с. 28);

4) *и тому служити лучши есть, нежели бѣсомъ пагубнымъ, бездушнымъ вашимъ богомъ, кумиромъ глухымъ, болваномъ безгласнымъ, истуканымъ, безсловеснымъ, издолбленнымъ, изваянымъ, всякаго смрада и студа наполненнымъ, от всякаго скверны дѣлателемъ, и всякаго зла обретателемъ* (ЖтСП, с. 35).

Остановимся на анализе закономерностей употребления ключевых слов внутри рядов и изменения в их составе на основе сопоставления рядов в целом. Как уже отмечалось, словесные ряды не совпадают по составу ключевых слов компонентов и характеру распространителей, что объясняется постоянным варьированием форм, связанным с актуализацией в тексте определенного семантического признака. Ключевые слова в анализируемых рядах представлены в полном объеме, но в разных комбинациях и в разной последовательности: 1) *кумиры* — *бѣсы* — *бѣсования*; 2) *идолы* — *кумиры*, *болваны* — *бѣсования*; 3) *идолы*, *боги* — *болваны*, *кумиры*; 4) *бѣсы* — *боги* — *кумиры* — *болваны*. Единственное общее для всех рядов — наименование *кумиры*, в тексте семантически маркированное как наименование богов (с позиции язычников), но, с другой стороны, наиболее близкое по значению слову *болваны*. *Кумиры* в контексте словесного ряда обозначают

‘предмет поклонения’. Лексическая пара *болваны* — *кумиры* функционирует в рядах как смысловое единство, в котором слово *болваны* эксплицирует семантический признак материальности языческих божеств.

На основании выявления семантических признаков слова *кумиры* в контексте рядов 2, 3 и 4 можно утверждать, что в ряду 1 оно выступает в более общем, абстрактном значении. Семантические различия между лексемами *бѣсы* — *кумиры* заключаются только в наличии идеологической значимости по отношению к первому наименованию. Ряд 1 находится в повествовательной части жития, наиболее традиционной (канонической) по смыслу, композиции и набору общих мест (агиографических топосов). Организует этот ряд, являясь смысловым каркасом, именно действие (не признак): причастие *жьруще* обобщенно по значению, имперфект *моляхуся* передает неограниченность, неопределенность действия, далее вновь следует причастный оборот *одръжимы суще*, возвращающий действие к его началу и вместе с тем указывающий на внешнюю причину жертвоприношений и молений. Рассматриваемый словесный ряд характеризуется конкретизацией смысла за счет перечисления языческих обрядов в заключительном компоненте. События передаются Епифанием как чужое слово, как происходящие вообще, безотносительно к определенному месту и времени. Традиционность текстовых формул ряда 1, их «необработанность» Епифанием Премудрым подтверждаются неоднородностью морфологического облика компонентов. По сути дела, это одно предложение, но ритмизованное под триаду. Приношение жертв означает моление бесам, а все вместе вызвано желанием предугадать будущее. Смысловая заданность в ряду превалирует над формальной стороной сочетания, при этом характеризуется стройностью ритма. Данный ряд по его месту в смысловой структуре текста — это как бы представление темы будущего описания.

Словесный ряд 2 по ходу повествования расширяется за счет введения ключевых слов *идолы* и *болваны* и исключения лексемы *бѣсы*. В данном случае агиографу важно показать одержимость святого Стефана идеей миссионерства, укрепившейся в нем в результате знакомства с нравами и обычаями Перми. Общее по значению, но оценочное *бѣсы* устранено и заменено в ряду в заключительном его компоненте отглагольным существительным *бѣсования*. Общее по значению *идолы* (стилистически маркированное в тексте) употреблено без определителей. Компонент ряда, в котором данное слово является ключевым, представлен во 2-м ряду в сжатом виде, обобщая и нейтрализуя значение ключевого слова. Здесь также проявляется важная особенность организации текста у Епифания: впервые вводимая формула остается в своем традиционном неразвернутом виде. Далее, в 3-м ряду, она уже распространена и является авторской. Слова *кумиры* и *болваны* употреблены с традиционными для их сочетаемости прилагательными *глухья* (ср.: *глухья его кумиры*. Лавр. лет.) и причастием *издолбленья*. Первое определение встречается в трех рядах и только в сочетании со словом *кумиры*, причастие же чередуется с другими эпитетами, описывающими способ изготовления языческих божеств (*изваянья*, *истуканья*). В морфологическом пере-

ходе формы от прилагательного к причастию выражается конкретизация семантического признака 'воплощение богов'. Конкретизация же смысла всего словесного ряда осуществляется вновь через действие.

Различные функции в повествовании вызывают смену словообразовательных моделей: если в 1-м ряду употреблено непроизводное *бѣсы* и отглагольное *бѣсование*, то во 2-м ряду в заключительной части выступает только слово *бѣсование*. Попутно заметим, что варьирование словообразовательных моделей характеризует и слова *волшвление* и *вълхование* (ряд 2). В данном случае изменение производящей основы и суффикса связано с ритмикой заключительного компонента, которая переводит содержание всего ряда на более абстрактный уровень описания путем переключения с существительных непроизводных на отглагольные. Третий и четвертый компоненты в составе ряда 2 объединены в один заключительный. В составе ряда 1 перечисление языческих обрядов разнесено по двум компонентам: в третьем компоненте ряда — *волшвление*, в завершающем — *бѣсование*, *чарование*, *кудесы*. Завершающий компонент ряда 2 включает формально измененное *волшвление* (*вълхование*). *Вълхование* включено в перечисление наименований, идентичное 1-му ряду по составу, но отличным от него обратным порядком следования: *веруютъ в кудесы*, *и въ вълхованя*, *и в чарованя*, *и в бѣсованя*. Кроме того, данный перечень имеет логическое завершение в родовом по смыслу выражении *и прочаа прелести диавольския*. Ряд характеризуется четырехтактной структурой, однако в целом она нечетная за счет пяти компонентов завершающей строки.

В составе ряда 3 слово *идолы* также является наиболее обобщенным по значению, что подчеркивается употреблением в одном с ним контексте слова *богы* как подчиненного ему по смыслу. Значения слов *богы*, *кумиры* и *болваны* относятся к значению слова *идолы* как частное к общему (*богы* — имя, *кумиры* и *болваны* — форма воплощения). Несмотря на характер семантических отношений ключевых слов рассматриваемого ряда, по смыслу он делится на две части, образуя как бы два предложения: в первую входят слова *идолы*, *богы*, *болваны*, во вторую — *кумиры*. *Идолы* — боги пермян, но они *болваны* ('изваяния'); *кумиры* их, но произведение человека, поэтому бездушны. Кажущаяся одинаковой по семантике последовательность ключевых слов рядов 2 и 3 является логически обоснованной и вовсе не дублируется механически. Отсюда следует и переход с традиционной для таких рядов градации от абстрактного к конкретному на обратную, передаваемую последовательностью *кумиры* — *болваны*. Отсутствие соответствия синтаксической четкости смыслу в 3-м ряду показывает, что автор ЖТСП для выражения нужного смысла привлекает и словосочетания, не различая их.

Словесный ряд 4 по характеру внутренних смысловых отношений схож с рядом 2: формы *кумиромъ* и *болваномъ* воспринимаются как различные характеристики лексем *бѣсы* — *богы*. *Идолы* в этом ряду заменено по принципу конкретизации повествования, а наиболее общим среди наименований божеств, как уже отмечалось, является *богы*. При этом общий смысл словосочетания остается аналогич-

ным слову *идолъ* ('боги и их изображение'). В привативной оппозиции *богы* — *бѣсы* (языческие боги есть бесы), где логически правильным на первом месте ожидаемо слово *богы*, Епифаний меняет местами наименования, поскольку в предыдущем контексте уже сообщается о Боге христианском. Таким образом проявляется антитеза язычества и христианства, переходящая во внутреннюю смысловую градацию ряда от абстрактного к конкретному. Кумиры и болваны низводят богов на землю, ибо они бездушны, признак далее конкретизируется другими прилагательными: *глухыи* ('неспособный воспринимать'), *безгласныи* ('неспособный изречь'). В переходе от одного прилагательного к другому смысловые акценты меняются: кумиры невосприимчивы, болваны же, как форма, лишённая содержания, безгласны; далее распространители слова *болваны* переводят смысл всего ряда на отвлеченный уровень, возвращая его к начальному определению *пагубныи*.

Таким образом, последовательность ключевых слов в текстовых рядах представляет собой семантическое единство с общим нейтральным по значению словом и уточняющими его, характеризующимися либо конкретизацией признака (последовательной — ряд 2 и ряд 4; расчлененной — ряд 3), либо причинно-следственными отношениями (ряд 1). Ряды 1 и 2, 3 и 4 попарно сходны между собой на синтаксическом уровне: в первой паре синтаксическую семантику можно определить как отношение «действие — субъект действия», во второй — начало рядов задает действие, затем следует перечисление его объектов. Ряды 3 и 4 представляют собой развитие одного компонента рядов 1 и 2, акцент описания при этом переносится на признаки объектов.

В словесном ряду 3 развитие претерпевает традиционное сочетание *глухыя кумиры*. Длинный перечень описательных признаков вызван именно тем, что во второй части его распространители представляют собой цепь перечислений сначала материала, из которого они изготовлены, затем — по принципу антитезы — органов идолов и неспособности производить действия этими органами. Последний определитель является триадой — *не ходять* (сейчас, в настоящее время) — *не поидуть* (в будущем) — *не ступаютъ ни с мѣста* (полная неподвижность). Далее конкретизация материальности языческих богов продолжается посредством глаголов: в ряду происходит повторение информации, но в отличной от предыдущей грамматической форме имени существительного — винительный падеж сменяется творительным орудия действия: *уста имуть и не глаголють* — *не възгласяють гортаньми своими*; *ноздри имуть и не обоняють* — *не нюхають ноздрями своими*. Смысловый акцент описания с имени переключается на глагол, антитеза переходит в линейное повествование. Далее, как отголосок рядов 1 и 2, следует уточнение признака бездушности идолов: *ни жрътвь приносимыхъ не приимають, ни пикють, ни ядутъ*. Если в рядах 1 и 2 выражается сам процесс жертвоприношения, то в последнем — результат этого процесса, причем конкретизированный глаголами *пити* и *ясти*, видовыми по смыслу в их отношении к родовому *приимати*. Традиционная формула в этом ряду распалась окончательно, ее компоненты меняют не только грамматическую форму — изменяется и ее лексическое

наполнение. Казалось бы, содержание словесного ряда исчерпано в последовательной конкретизации признака 'изваяние', тем не менее Епифаний обобщает смысл ряда в заключительном компоненте, соотнося объект поклонения с субъектом этого действия.

Словесный ряд 4 представляет собой перечисление субъектов поклонения, распространенных определителями. Общий смысл ряда заключается в противопоставлении единого христианского бога языческому многобожию. Отсюда градация от абстрактного к конкретному (*богьы, бѣсы — болваны*). В заключительной части аналогично предыдущим примерам подводится итог на отвлеченном уровне — путем введения в состав этого компонента отглагольных существительных со значением лица и страдательного причастия (*наполненыи — дѣлатель, обретатель — творитель*). Поскольку в ряду семантически обусловленной является градация к конкретному, а самое конкретное в тексте слово — *болваны*, то именно это слово уточняется, причем не только перечнем способов изготовления (ряды 2 и 3), но и их чередованием с качествами, относящимися в других примерах к слову *кумиры*: *безгласныи — истуканыи — безсловесныи — издолбленыи — изваяныи*. В ряду 3 выражение *уста имуть и не глаголють* соответствует прилагательному *безсловесныи*, выражение *и не възгласятъ гортаньми своими* — прилагательному *безгласныи*. Действие, завершаясь, переходит в признак. На семантическом уровне ряд характеризуется дифференциацией смысла описательных признаков ряда 3. Слово *кумиры* употреблено в рассматриваемом ряду с определением *глухьи*, именно в таком сочетании возможно противопоставление призна-

ков, оценочная характеристика богов с разных сторон (*кумиры глухие, а болваны немые*).

Заключение (Conclusion)

В пределах словесного ряда происходит конкретизация одного из семантических признаков общего значения ключевых слов. В разрушении традиционных формул ведущую роль играют внутрирядные семантические отношения, вызывающие изменения компонентов — не только распространителей, но и самих ключевых слов — на морфологическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях, а также на уровне ритмической организации словесных рядов.

Анализ словесных рядов с ключевыми словами, в системе языка тождественными по значению, но различающимися своей значимостью в тексте, позволяет заключить, что данным рядам свойственны общие закономерности построения словесных рядов Епифанием Премудрым: градация от родовой по значению лексемы к слову, выражающему актуальный и конкретный семантический признак. Специфика данных рядов состоит в том, что конкретизация признака эксплицирована: 1) в расширении состава определителей; 2) в заключительном компоненте ряда, ключевым в котором является слово семантически конкретное.

«Плетение словес» представляет собой способ смысловой актуализации, характер которой обусловлен спецификой семантики ключевых слов словесных рядов и их распространителей. При этом ключевые лексемы в составе словесных рядов не являются собственно синонимами: важна их логически оправданная последовательность, позволяющая детально описать предмет, явление, процесс.

Источник

ЖтСП — Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / под ред. В. Г. Дружина. СПб. : Изд. Археографической комиссии, 1897. 112 с.

Библиографический список

1. Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 194 с.
2. Дмитриев Л. А. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1964. Т. XX. С. 72–89.
3. Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1970. Т. XXV. С. 73–80.
4. Вигзелл Ф. Цитаты из книг Священного писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды отдела древнерусской литературы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 232–243.
5. Антонова М. Ф. Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. XXXIV. С. 127–133.
6. Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 292 с.
7. Черепанова О. А. Средства лексического варьирования в стиле «плетение словес» Епифания Премудрого // Русская историческая лексикология и лексикография. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. Вып. 2. С. 73–80.
8. Иванова М. В. Синонимия в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого // Филологические науки. 1986. № 2. С. 65–71.
9. Петрова В. Д. Присубстантивное распространение в произведениях стиля «плетение словес»: на материале произведений Епифания Премудрого : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 236 с.
10. Петрова В. Д. О некоторых особенностях употребления конструкций для передачи чужой речи в славянской агиографии стиля «плетение словес» (плеонастические сочетания, включающие прямую речь) // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2009. № 8. С. 8–13.

11. Абрамова И. Ю. Простое осложненное предложение в повествовательной технике «плетения словес» (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского») // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 1. С. 187–191.
12. Судаков Г. В. «Плетение словес» как способ создания текста (на материале «Жития Стефана Пермского») // Вестн. Вологод. гос. ун-та. Сер. : Исторические и филологические науки. 2023. № 2 (29). С. 95–99.
13. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
14. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы : моногр. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 246 с.
15. Мокиенко В. М. Образы русской речи : ист.-этимол. и этнолингв. очерки фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. 277 с.